

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Георгий Степанович Жиженова, народного артиста СССР, лауреата Государственной премии РСФСР, мы знаем по многочисленным ролям в кино и театре. Его герои — сильные, уверенные в себе люди, хозяева своей судьбы. Таков Жиженова на сцене, на экране. А в жизни!

«ВЕРЮ. ПЕРЕСТРОЙКА НЕОБРАТИМА»

— Воспитание я получил питерское. Родился в 1915 году на Васильевском острове. Отец был булочником — сначала булки разносил, торговал, потом сам стал их печь. Моя мама была у него второй женой. Она родила пятерых детей, в том числе и меня, да еще пятеро остались от первой жены. Всего десять детей. Вот так и жили до 1938 года, до ареста.

— Арест был связан с политическими событиями?

— Да, хотя мне в то время было 22 года и ни о какой политике я не помышлял. Сначала арестовали старшего брата, студента Университета, а остальных, как семью врага народа, выслали. Я в ссылку не поехал, так что вскоре пришли и за мной. Это был самый страшный день в моей жизни. Его я описал в своем рассказе. Он так и называется «Арест».

— То была первая проба пера!

— Как вам сказать. Когда я учился у Сергея Герасимова, он мне часто говорил: «Из тебя может получиться неплохой сценарист», но всерьез я этим тогда так и не занялся. На Колыме, пытался вести какие-то дневниковые записи, но быстро понял, что мне грозит, если их обнаружат. Пришлось уничтожить.

Несколько лет назад стал для себя записывать кое-что, без всякого прицела. Потом как-то так получилось, что один знакомый журналист взял их посмотреть и показал Виталию Коротичу — редактору журнала «Огонек». Неожиданно для меня Коротич позвонил и сказал, что ему понравилось, предложил опубликовать. Называется рассказ «Саночки». Построен на колымском материале.

— Сколько времени вы находились в заключении?

— Сначала с 38-го года по 45-й — тюрьма, пересылка, Колыма. После войны освободили. А в 47-м году всех нас, кто уцелел, не умер, не заболел, взяли снова и отправили в Норильск в ссылку до 1954 года.

— Как удалось выжить? На чем держались?

— Сначала жил надеждой. Молодость брала свое. Верил, что справедливость восторжествует. Но в Норильске веры уже не было — ничего не хотелось. Знаете, кто мой любимый писатель? Джек Лондон. На его героев я старался быть похожим в трудные времена своей жизни. Они помогали выжить, преодолеть. Подказали средства для этого. Конечно, это не значит, что я не люблю Пушкина, Достоевского — люблю, как всякий русский. Но произведения Джека Лондона ближе к моей жизни.

— В 1954 году испытания кончились...

— Жизнь повернулась на сто восемьдесят градусов, и не только для меня. Однажды ночью ехал из аэропорта Пулково в Ленинград и увидел, как бульдозером сносили на Московском проспекте памятник Сталину. Для меня не было радостнее зрелища. В другой раз в Минске товарищи — радостные — разбудили меня среди ночи и потащили смотреть, как на площади рушили огромного бронзового Сталина. Народу собралось — несмотря на ночное время! Надо сказать, сожаления на лицах не было.

Вернулся в Ленинград. Устроился в театр. И вроде бы никому не давал повода намекать на свое прошлое, но все-таки косые взгляды были — особенно со стороны администрации.

Знаете, какая она — человеческая психология? Всем известно, что я был реабилитирован — причем дважды: и по первому, и по второму обвинению. Значит, никаких «грехов» за мной не числится. И тем не менее некоторым никак, видно, было не привыкнуть к мысли, что я такой же, как они, — не хуже. Благо, меня стали приглашать сниматься в кино. Довольно быстро пришла известность — стали даже за границу посылать. Сначала в социалистические, а потом и в капиталистические страны. Поначалу даже не верилось, что все это со мной происходит. В 1968 году Юрий Завадский, режиссер Театра имени Моссовета (ныне покойный), пригласил к себе на роль Льва Толстого. С этого времени живу в Москве.

— Это был ваш звездный час, который продолжается и по сей день. Сужу по вашим новым ролям в кино и театре...

— Не совсем так. В театре сейчас сложилась, на мой взгляд, трудная ситуация. Наш коллектив участвует в эксперименте. Мы получили экономическую самостоятельность, право формировать репертуар, но возникли и проблемы. Ежегодно 10—15 человек переизбираются, то есть сами актеры тайным голосованием переизбирают своих собратьев. Кто не наберет достаточное количество голосов, вынужден подать заявление об уходе. Есть ли при этом гарантия, что в театре останутся лучшие из лучших, самые талантливые? Никакой. Потому что при голосовании далеко не все стремятся быть объективными — вступают в силу личные симпатии и антипатии. Кроме того, все это порождает в коллективе нервную обстановку: нелегко жить с мыслью, что завтра можешь оказаться не у дел. Это нововведение выгодно, мне кажется, лишь

администрации, которая, используя «выборы», под шумок расстается с неугодными, предварительно настроив против них коллектив. А ведь затевалось все для другого — чтобы дать свободу творчеству. Нет, я не против монархии в театре — я за монархию просвещенную, как сказал один мой коллега. Я согласен на полное подчинение главному режиссеру, но режиссер должен быть личностью, авторитетом для актеров, он должен обладать высокими моральными качествами и того же требовать от других. Вот тогда будет творчество, высокое искусство.

Мы говорим: перестройка — это революционные преобразования, а сами все как-то пытаемся совместить новое и старое. Так ничего не получится. Революционные так революционные: все старое, что мешает, тормозит — прочь!

— А вы верите в то, что перестройка — процесс необратимый?

— Раньше, в шестидесятые годы — годы оттепели, в какой-то степени предвидел, что оттепель кончится и все вернется на круги своя, потому что тогда мы многое вслух высказали все же побоялись, курс на демократию был свернут. Сейчас, думаю, все, что происходит, необратимо. В худшем случае, если не выдержим линию, — хаос.

— На афишах Театра имени Моссовета, кроме вашей, есть еще одна фамилия — Жиженова Ю. Г.

— Это дочь — Юлия. Она недавно в театре, но ей уже доверяют серьезные роли. В «Последнем посетителе» Дозорцева мы заняты вдвоем.

— В последнее время в творческой среде все чаще встречаются династии: дети идут по стопам родителей... У многих это вызывает раздражение, так как неминуемо рождается подозрение, что человек попал в творческий вуз не по таланту, а по знакомству.

— Вопрос сложный. Однозначно ответить на него не могу. Скажу лишь, если природа не «отдохнула» на ребенке знаменитости, если есть у него способности, то нет ничего плохого в том, что он идет по стопам родителей. Если же нет таланта — другое дело. В этом случае начку должны быть приемная комиссия, преподаватели. Но сейчас, вы знаете, со знакомствами стало плохо.

На мой взгляд, в том, что дети выбирают профессию родителей, кроется существенный недостаток нашей общеобразовательной системы. За годы учебы в школе человек так и не получает представления о профессиях и по окончании десятилетки пребывает в растерянности, не зная, куда податься. Получается, волей-неволей профессионально ориентируем ребенка только мы, родители. Хорошо, если у отца и матери разные специальности. А если одна, как получилось у нас в семье? Жена у меня тоже в прошлом актриса — сейчас преподает в училище имени Щепкина.

— И последний вопрос. У вас за плечами трудная жизнь. Беды, выпавшие на долю вашего поколения, вы разделили сполна. И все же, несмотря на солидные лета и испытания, находитесь в прекрасной форме, что немаловажно для актера. Как вам это удается!

— В жизни я себя мало берег. 40 лет курил — правда, сейчас бросил. Но так складывалось, что все время приходилось заниматься физической работой. В заключении — это само собой. И после тоже. Сам, считай, построил дачу. Сейчас в свободное время — сад, огород. Этим и держусь.

Беседовала С. ЯКОВЛЕВА